

*Посвящается
Шивон, Оскару, Молли и Сэму*

Жизнь коротка.

Гиппократ, 300 г. до н. э.

Жизнь длинна.

Еврейская пословица

Жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы.

Джон Леннон

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
От автора	16
ДЕТСТВО	17
Снег в мае	17
Роды под рэп	18
Голод	23
Кислород	34
Дипломат	44
Счастье	54
МОЛОДОСТЬ	66
Ацтекский жрец	66
Девушка. 18. Боль в спине	67
Аутсайдер	76
Заражение	87
Погнутый нож	101
Женщина на койке	109
Шутник	128
Улыбка	138
Глубокая рана	146
Феникс	168

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ	174
Лабиринт	174
Ловушка для осьминога	193
Тюрьма	203
Аритмия	217
Гнездо	226
Королевский дуб	236
Прогулка	241
Конец	253
СТАРОСТЬ	269
Авиакатастрофа	269
Четыре сестры	278
Инсульт	289
Падение	295
Боб	303
Бункер	321
Шум	325
ЭПИЛОГ	330
Дополнительная информация о болезнях	332
Благодарности	366

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, вы сидите в автобусе и смотрите на стоящую в проходе неопрятную женщину с фиолетовыми волосами, которая что-то бормочет себе под нос. Что с ней не так? Почему она разговаривает сама с собой? А что насчет мужчины среднего возраста, одетого в деловой костюм и играющего в Candy Crush на телефоне? Два месяца назад у него случился сердечный приступ, и теперь ему кажется, что каждое неприятное ощущение в груди — признак неминуемой смерти. Он не может сосредоточиться ни на работе, ни дома, его брак рушится — все потому, что он постоянно чувствует себя невыносимо уязвимым. Игра на телефоне — это попытка хотя бы ненадолго сбежать от проблем.

Мать, игнорирующая кричащего ребенка, думает о том, как она справится без своей мамы, у которой только что диагностировали рак яичника. Сердитая пожилая женщина с раздражающей сумкой на колесах только что оставила больного деменцией мужа с сиделкой, и теперь ей нужно сделать множество дел за тот драгоценный час, который у нее есть. Из-за стресса она становится все более забывчивой и боится, что тоже теряет рассудок. Парень с хипстерской бородой радостно кивает под песню, звучащую у него в наушниках. Несколько месяцев назад он обнаружил опухоль на яичке, но слишком напуган, чтобы обратиться к врачу. Он испытает облегчение, когда все же обратится к специалисту и услышит,

что она доброкачественная. Еще несколько пассажиров едут лечиться в больницу или на прием к врачу. Почему водитель автобуса не торопится? Она вспоминает своего маленького племянника, умершего в этот день десять лет назад. Каждый, кого вы видите в автобусе, терял любимого человека.

А что насчет вас? Вы иногда потираете руку, сломанную в детстве, и прощупываете оставшийся выступ на кости? Ваш старший брат все еще лежит в психиатрическом отделении? Вам была проведена двойная мастэктомия? Вы думали о самоубийстве несколько лет назад? Ваша и без того напряженная жизнь стала невыносимой из-за пандемии COVID-19?

Вы тоже оказывались на границе между болезнью и здоровьем, и у вас тоже есть шрамы.

Что касается той бормочущей женщины, возможно, она не такая уж странная, как вы сначала подумали. Вероятно, мы все странные, все страдающие, все нормальные. Выгляните в окно. Идет дождь. Или светит солнце? Как здорово жить! Черт возьми, это ваша остановка, и дверь автобуса уже открылась. Быстрее! Вставайте и продолжайте жить своей жизнью.

В 1999 году я подрабатывал на летних каникулах в больнице Сент-Томас. Меня направило туда агентство по трудоустройству, и в то время я еще не интересовался медициной. Работа была рутинной и банальной. Сидя в викторианском кабинете с высокими потолками и видом на Темзу, я вносил данные о пациентах в компью-

терную систему, относил карты и рентгеновские снимки в разные концы больницы, заваривал чай для медсестер. Я не особо хотел там работать и делал это только ради денег, которые должны были помочь мне продержаться несколько месяцев в университете, тем не менее больница быстро стала для меня поучительной средой. Все изменили пациенты. Это были люди из всех слоев общества: от бездомных до аристократов. Казалось, испытания, которые они проходили в больнице, стоили того. Кто-то умирал, кто-то был временно нездоров, а кто-то страдал хроническими заболеваниями. Кто-то кричал и плакал, а кто-то делал все, чтобы избежать проявления эмоций. Я не понимал многого из того, что происходило, но чувствовал, что все это очень важно и не похоже на повседневную жизнь.

Один пациент меня особенно впечатлил. Другие пациенты приходили и уходили (или умирали), но Джек¹ все лежал и лежал в больнице. Казалось, он всегда там был. Несколько месяцев назад он пошел выпить со своим партнером. Они решили сходить в популярный гей-паб в Сохо под названием «Адмирал Дункан». Радостные, в предвкушении приятного вечера, они вошли, не догадываясь, что молодой человек Дэвид Копленд оставил возле бара спортивную сумку. Пока Джек стоял в очереди, чтобы купить выпить, самодельное взрывное устройство, спрятанное в сумке и подключенное к дешевому будильнику, сработало. Бомба была начинена более чем 500 гвоздями. Погибли три человека, в том числе беременная женщина и ее нерожденный ребенок.

¹ Это ненастоящее имя, как и все остальные имена в этой книге. — *Прим. авт.*

«70 человек пострадали», — писали на следующий день газеты. В Сент-Томасе я получил представление о том, что означало это «пострадали» для одного человека. Я не был на месте происшествия и не видел, как врачи не дали Джеку до смерти истечь кровью из культы. Я не наблюдал за тем, как Джек месяцами лежал в реанимации и как ему провели несколько повторных операций. Через два месяца после взрыва я увидел мужчину со шрамами на руках, калоприемником и ногой, оканчивающейся сразу после колена. Он неуклюже передвигался по больнице на костылях или в кресле-коляске.

Мы с Джеком болтали о футболе. Он с нетерпением ждал встреч с друзьями и семьей. Когда они уходили, у него всегда портилось настроение. Познакомившись с ним ближе, я узнал, что это было не первое испытание в его жизни. Он сказал, что за много лет до взрыва был в депрессии и зависел от алкоголя. Теперь он заново учился ходить, мучаясь от сильной боли, снижения слуха, депрессии и посттравматического стрессового расстройства.

Он пытался понять тот акт жестокости и его последствия для себя. «Почему? — спрашивал он. — Почему это произошло со мной?»

На следующий день после происшествия организатора взрыва задержали и поместили в психиатрическую больницу. У него диагностировали параноидальную шизофрению и возможное расстройство личности. Через несколько лет Копленда перевели в тюрьму.

До того лета я считал Национальную службу здравоохранения скучным стерильным институтом. Ранее она

ассоциировалась у меня с блеклой приемной терапевта, к которому я практически никогда не обращался. Та летняя подработка открыла мне глаза на то, как все обстоит на самом деле. Больницы — это гудящий улей боли, безумия, смерти, печали, искупления грехов и выздоровления. Когда камень падает в воды жизни, множество волн доходит до берега.

Через два месяца я вернулся в университет, покинув Джека, который на тот момент еще лежал в больнице. Позднее я стал журналистом газеты. Это была работа моей мечты. Мы делали репортаж и двигались дальше. Мне нравилась широта освещаемых тем и темп работы. Естественно, нам часто приходилось делать репортажи о человеческих страданиях. Когда в моей жизни стали происходить тяжелые события (психотический эпизод у подруги, смерть тети от рака яичника), я понял, что мне не нравится расстояние, с которого я освещаю человеческие страдания.

Однажды я шел по улице на обед и, заглянув в переулок, увидел парамедика¹, который пытался реанимировать мертвого человека. Это было шокирующее зрелище, несмотря на то, что подобное происходило в городе каждый день. После этого я все чаще стал думать о Джеке с его культей и костылями, ищущем смысл новой жизни. Я стал задаваться вопросом, можно ли найти причину всех этих страданий там, куда меня завела летняя подработка, — в медицине.

¹ Специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях; оказывает экстренную медицинскую помощь на догоспитальном этапе.

После того как в 30 лет я впервые вошел в лекционную аудиторию медицинской школы, я быстро погрузился в море информации о теле: названия всевозможных болезней, симптомы, которые они вызывают, факторы риска, необходимые обследования, вероятные исходы. Мы изучали причины и следствия сотен болезней на молекулярном, микроскопическом, статистическом, культурном, политическом и общественном уровнях.

Океан страданий, с которым имеет дело медицина, расширился и стал мне понятнее. Как и многие мои коллеги, я время от времени страдал синдромом студента-медика и убеждал себя, что испытываю симптомы заболевания, которое мы только что проходили. Я стал реалистичнее смотреть на предел наших знаний и возможностей лечения, а также на проблемы, связанные с лабораторными медицинскими разработками.

Когда я покинул лекционные аудитории и начал работать в больнице, грандиозные мечты о спасении жизней уступили место страху облажаться и случайно убить пациента. Ограниченные возможности медицины перестали быть теоретическими. Радость от работы меркла, когда я видел горе и боль. Даже в тех случаях, когда мы излечивали пациентов, я видел, как у них (их родственников, друзей и даже у нас, врачей) появляются свежие эмоциональные шрамы.

За десять лет обучения и работы мне повезло встретить тысячи пациентов из разных слоев общества и культур, которые страдали всевозможными физическими и психическими недугами.

Врачи — это священники общества: пациенты доверяют нам душу и тело. Истории 34 пациентов, от мертворожденного ребенка до 103-летней женщины, приподнимают завесу над жизнью. Мужчины, женщины и дети сталкиваются с предательством собственного тела, психологической хрупкостью, социальной депривацией и недостаточными возможностями медицины.

Я записал эти истории, потому что, даже если медицина не всегда исцеляет, необычайная способность людей терпеть, понимать и любить способствует своего рода искуплению. Граница между болезнью и здоровьем — это пугающее место, но смелый взгляд на жизнь оттуда может быть катарсическим. Мы можем вынести уроки из своих страданий и страданий других людей и использовать их, чтобы лучше понять жизнь.

Столкнувшись с хрупкостью и непредсказуемостью жизни, мы учимся радоваться тому, что имеем.